

Текст · 27 июля 2023, 07:32

Ольга Ромашова,

Удар по «путинской гордыне». Кого и как в России судят за поджоги военкоматов — обзор «Медиазоны»

С начала войны в России атаковали уже не меньше 113 военкоматов, административных зданий и офисов силовиков — «Медиазона» [ведет подсчет](#) подобных акций (почти всегда это поджоги). Представители власти публично называют эти акции «терактами», но далеко не всегда такой ярлык становится статьей обвинения. За поджоги арестованы десятки людей, многим уже вынесены приговоры. «Медиазона» изучила все известные дела и решения судов, но не нашла у силовиков единой практики: за одни и те же действия человека могут судить и как террориста, и по более легким статьям, а разброс сроков наказания — от полутора лет условно до 19 лет в колонии.

Все данные приводятся по состоянию на 26 июля.

Краткое содержание

Что мы знаем о приговорах за антивоенные поджоги

- С начала вторжения в России совершены уже как минимум 113 атак на военкоматы и подобные объекты.
- Силовики задержали как минимум 102 человек, по 31 делу уже вынесены приговоры.

- Единой логики у силовиков нет: одни и те же действия могут посчитать терроризмом, а могут и нет. Но после начала мобилизации терроризм стали вменять чаще.
- Нет единства и в сроках: разброс наказания — от полутора лет условно до 19 лет в колонии.
- Обвинение по террористической статье всегда гарантирует реальный и длительный срок заключения.
- В половине случаев, где мы знаем статью обвинения, фигурирует терроризм (40 дел из 82).
- Иногда влияют региональные особенности: в регионах, где ФСБ традиционно сильнее, чаще вменяют терроризм.
- При этом политические мотивы или успешность поджога прямо не влияют на квалификацию дела и последующее наказание.
- Поджигателям военкоматов трудно помогать из-за нехватки адвокатов и давления ФСБ.

К началу июля 2023-го известно уже о 113 поджогах^[1] военкоматов, отделов полиции и административных зданий в 48 регионах России, совершенных после начала вторжения в Украину. В этих атаках обвинили как минимум 102 человек — иногда по делу об одном поджоге проходит группа людей, а иногда одного человека обвиняют в нескольких атаках. В 23 случаях о поимке поджигателей неизвестно.

Среди десятков арестованных поджигателей мы знаем только об одном человеке, которому удалось бежать, — это анархист Алексей Рожков, еще в начале вторжения в Украину бросивший коктейль Молотова в военкомат в Свердловской области. Выйдя из СИЗО

под подписку о невыезде, Рожков не стал ждать, пока его обвинят в терроризме, и сбежал в Кыргызстан.

Он прожил в Бишкеке полгода, но два месяца назад его по сути похитили сотрудники местной спецслужбы ГКНБ: силовики ворвались в съемную квартиру, задержали молодого человека, без решения суда вывезли в Россию и передали в руки ФСБ. «Мешок на голову, шокер, все как обычно», — описывал он эту встречу. Сейчас анархист снова в СИЗО.

Дело Рожкова расследовали как покушение на уничтожение имущества, но правозащитники опасаются, что теперь обвинение переквалифицируют на терроризм, как это случилось со многими другими поджигателями. Тогда приговор будет значительно жестче.

На сегодняшний день суды вынесли приговоры уже по 31 делу о поджогах во время войны, сроки получил 41 человек. «Медиазона» изучила эти приговоры и поняла, что единой логики у силовиков в разных регионах нет, но все больше людей объявляют террористами — и тогда огромный срок для них неизбежен.

После начала мобилизации поджоги стали чаще считать терроризмом, но единой стратегии у силовиков нет

Военкоматы в России поджигали с первых дней вторжения в Украину, а после объявления мобилизации 21 сентября атаки резко участились. Тогда же Генштаб пригрозил, что поджоги будут

квалифицироваться как теракты — впрочем, к тому времени ФСБ уже начала считать их актами терроризма, хотя такие акции обычно наносят только символический ущерб.

Но в итоге единой практики у силовиков так и не выработалось: из 82 поджогов, где «Медиазоне» известны статьи обвинения, как терроризм расследовалась половина (41 дело). Остальные случаи были квалифицированы по другим статьям^[2].

Одни поджоги сразу считают терактами (так было, к примеру, с таксистом Владимиром Золотаревым из Комсомольска-на-Амуре, поджегшим крыльцо Росгвардии; приговор пока не вынесен), другие сначала расследуют как повреждение имущества, а потом уже как терроризм (как в случае^[3] Кирилла Бутылина, уже на третий день войны забросавшего коктейлями Молотова военкомат в подмосковных Луховицах; он получил 13 лет), третьи так и доходят до суда с более легкими статьями (скажем, строитель Денис Сердюк получил 4 года колонии за атаку на военкомат в Волгограде, его судили по статьям о поджоге и хулиганстве).

И все же после начала мобилизации силовики стали заметно чаще вменять террористические статьи, показывают подсчеты «Медиазоны».

Мы знаем статьи обвинения в 35 делах о поджогах, совершенных до мобилизации^[4], из них терроризм в итоге появился в 16 случаях. После 21 сентября 2022-го

следствие посчитало терактами уже 25 поджогов из тех 49, где мы знаем статью обвинения.

Если поджигателя поймали, его дальнейшая судьба зависит в первую очередь от того, назовут ли местные силовики его действия терактом — даже в одном регионе одинаковые действия иногда трактуются как терроризм, а иногда нет.

При этом обвинение по террористической статье гарантирует реальный срок. Если дело уйдет в суд со статьей о поджоге, есть шанс остаться на свободе.

Мы знаем о 31 приговоре^[5]. Две трети из них — это реальные сроки^[6], таких случаев 22 (из них 12 по статьям о теракте). Только семеро все же получили условные сроки (и один — принудительные работы).

На статью обвинения могут влиять взаимоотношения между ведомствами и «желание заработать побольше звезд»

Силовики в разных регионах действуют несогласованно, отмечает Иван Асташин из «Зоны солидарности» (этот правозащитный проект

помогает тем, кого преследуют за радикальные антивоенные акции).

«Сверху просто отдаются команды всех карать, чем жестче, тем лучше. Ну а на местах уже кто во что горазд», — говорит он.

Асташин полагает, что тяжесть статьи и последующего наказания зависит от того, какое ведомство ведет расследование: «Если ФСБ вступает в дело, то это почти 100% терроризм или диверсия, в общем, наиболее тяжелые обвинения. Если это, допустим, МВД или СК, то может быть обвинение в хулиганстве, порче имущества и так далее, более мягкие статьи. Но тут тоже по-разному бывает. Иногда МВД само расследует до конца, иногда передают ФСБ, и она переквалифицирует».

ФСБ выгодно из всех поджогов делать терроризм, говорит правозащитник: «Чем больше у них будет раскрытых дел по терроризму, тем они больше получают премий, повышений и так далее. Обычным полицейским на местах это может быть не очень интересно. Им не нужны "палки" по терроризму». Он сомневается, что полицейские с готовностью отдают свои дела ФСБ, потому что это плохо влияет на раскрываемость в МВД. Но вынуждены подчиняться.

С этой точкой зрения согласен и адвокат «Первого отдела» Евгений Смирнов: «Если достанется полиции, то велик шанс ограничиться 167-й. Если передадут, не дай бог, в ФСБ, то они, конечно, будут пытаться возбудить то дело, за которое им будет больше выгоды».

Смирнов полагает, что некоторые поджоги могут быть спровоцированы сотрудниками ФСБ и тогда обвинение в терроризме гарантировано: «Вполне возможно, что переписка или паблик, на который человек был подписан, велись одним из провокаторов. Для точной квалификации по тяжкой террористической статье в эту переписку вкрапляются некоторые выражения. Они будут читать переписки, знать, когда планируют это делать, и уже будут сами задерживать».

Иногда человеку может просто не повезти: «Если это поджог военкомата или другого какого-нибудь учреждения Министерства обороны, военная полиция может задержать [поджигателя] и отвезти не в обычный отдел полиции, а в ФСБ. Будет считаться, что они выявили преступление и пресекли его».

В квалификации поджогов довольно трудно искать логику, признает адвокат. «Отчасти это происходит случайно, отчасти это желание следователей заработать побольше звезд на деле», — говорит он.

«Срок зависит в первую очередь от квалификации. Квалификация, грубо говоря, зависит от везения», — соглашается Асташин.

На рисунке учтены только поджоги военкоматов, случаи атак на отделы полиции и ФСБ или другие административные здания не учитывались

В некоторых регионах ФСБ традиционно сильнее — и там больше дел о терроризме

Влияют, по мнению Асташина, и региональные особенности. Так, на юге России «все больше под ФСБ, и сразу все к ним попадает».

Мы знаем о трех поджогах в Краснодарском крае, и всем обвиняемым там действительно вменяют терроризм. В Ростовской области по статье 205 расследуют два поджога из трех.

При этом выявить тенденцию довольно трудно, поскольку все еще мало регионов, где мы знаем подробности хотя бы о трех поджогах.

В Московской области, где поджигали чаще всего (восемь случаев), мы не знаем статью в половине случаев (в остальном это три дела по терактам и одно по уничтожению имущества).

В Петербурге из шести поджогов мы знаем о пяти: три «террористических» и два по другим статьям. Петербургское управление ФСБ известно благодаря пыточному [делу](#) «Сети», когда группу антифашистов и анархистов обвинили в подготовке вооруженного захвата власти.

В Ленинградской области — на оба региона действует одно управление ФСБ — четыре поджога из пяти квалифицировали как умышленное уничтожение имущества. А один, в Выборге, сразу по двум статьям о терроризме (трое фигурантов получили сроки от 6 до 13 лет).

В Татарстане же, например, пока известно только об обвинениях в порче имущества: они выдвинуты против 60-летнего активиста, студента и одиннадцатиклассницы. Активист, по версии следствия, швырнул коктейль Молотова в военкомат, но ничего не загорелось. Студент хотел поджечь «лежащий на земле неработающий кабель». Школьница же сделала несколько Молотовых, но подожгла только траву возле военкомата (она получила два года условно).

А вот в Челябинской области поджигателей обвиняют исключительно в терактах. В этом же регионе антивоенные активисты получили самый большой срок — по 19 лет. Челябинская ФСБ и до начала войны была известна преследованием несогласных и пыточными методами. Например, делом анархистов, которые протестовали против пыток товарищей и вывесили баннер: «ФСБ — главный террорист». Задержанных по этому делу тоже пытали электрошокерами.

Асташин говорит, что до недавнего времени связывал квалификацию дела с изначальными показаниями задержанного: «Допустим, человек поджег военкомат, как правило, он и не отрицает этого. Зачем ФСБ пытается в таких случаях? Чтобы человек не просто написал, что он поджег военкомат, а чтобы он подписал такие показания, которые лягут в канву статьи "Террористический акт": хотел устрашить население, осознавал, что может причинить гибель, хотел дестабилизировать работу государственных органов, повлиять на принятие решений органами власти и так далее».

В делах с более легкими статьями показания, по его словам, обычно более лаконичные: «Поджег военкомат, протестовал против войны, все по-простому».

Но ситуация меняется, замечает правозащитник, например, Михаилу Лазаковичу, поджегшему в мае военкомат в Тверской области, вменили терроризм, несмотря на осторожные показания. «Я думаю, что постепенно они все больше отходят от каких-то там юридических норм, — говорит Асташин. — Все-таки вся эта машина действует по определенным правилам. Понятно, что они пытаются, но все равно есть определенные шаги бюрократические. Сейчас все больше становится произвола. Происходят такие ситуации, которые еще полгода назад было сложно представить».

«Эта непредсказуемость, как мне кажется, дополнительно устрашает, — полагает он. — Человек не понимает, что ему ожидать. За одно и то же ему могут дать полтора года условно или 19 лет

реального срока. Я думаю, что стратегии тут нет, но эта бессистемность в принципе работает на власть».

Embedded content is unavailable in PDF

Самые мягкие сроки: подростки и поджигатели-неудачники (но общей логики нет)

Семерым поджигателям повезло остаться на свободе после приговора. Следствие вменило им сравнительно легкие статьи: «поджог» (статья 167 УК) или «хулиганство» (статья 213 УК). А суд назначил условное наказание: от одного года четырех месяцев до двух лет. Как и большинство осужденных за атаки на военкоматы, они признали вину, трое даже заключили досудебное соглашение со следствием.

Среди тех, кому так повезло, трое несовершеннолетних: два приятеля из Череповца и одиннадцатиклассница из Казани. Череповчане, по версии следствия, подожгли военкомат за деньги. Школьница же, по словам прокурора, «была недовольна проводимой на территории РФ специальной военной операцией» и мобилизацией. Но нельзя сказать, что силовики снисходительней к подросткам-поджигателям. Например, 16-летнего петербургского гимназиста Егора Балазейкина обвинили в покушении на теракт из-за брошенного в военкомат коктейля Молотова.

Один из получивших условный срок даже атаковал здание управления ФСБ в Нижнем Новгороде.

Бывший рабочий автомобильного завода Сергей Лозин, говорится в приговоре, был недоволен политикой главы государства, хотел «нанести удар не по людям, а по "путинской гордыне"», «постараться сделать президенту неприятно и выместить свою злость». Он швырнул в табличку приемной ФСБ бутылку с ацетоном и попытался поджечь, но безуспешно.

Лозину за неудачный поджог ФСБ дали два года условно по статье о хулиганстве. В то же время в Краснодаре разнорабочий Игорь Паскарь почти за то же самое получил 8,5 лет заключения: он бросил коктейль Молотова во вход в здание ФСБ, загорелся только коврик у двери. Паскаря пытали при задержании и обвинили в терроризме.

Известен по крайней мере один случай, когда прокуратура возмутилась «чрезмерной мягкостью назначенного наказания» и потребовала его ужесточить. Дезинсектор Алексей Богданов после начала мобилизации попытался поджечь редакцию газеты «Красная звезда» в Приозерске (он спутал ее с одноименным изданием, которое выпускает Минобороны). «В связи с ситуацией в стране у меня болело сердце. Я не хотел вот этого всего видеть, все это безобразие, которое сейчас происходит», — признался он на допросе, раскаялся и получил год условно по делу о покушении на поджог. После жалобы прокуратуры суд добавил Богданову еще один год условного срока, но отправлять в колонию не стал.

Самое суровое наказание получили пожарный и росгвардеец, которых следствие сочло анархистами

Поджог администрации небольшого городка Бакал в Челябинской области мало чем отличался от множества подобных. В ночь на 10 октября в здание военно-учетного стола кинули три коктейля Молотова. Огонь повредил окно и линолеум, пламя потушила охранница.

Силовики вскоре задержали двух друзей детства, старшину МЧС Алексея Нуриева и водителя Росгвардии Романа Насрыева. У обоих поджигателей была бронь от мобилизации по работе. «Они, может, переживали за тех, кого могли призвать», — предполагала мать Нуриева в разговоре с *DOXA*. Нуриева и Насрыева обвинили в терроризме, и суд дал каждому по 19 лет заключения — это самый большой срок за антивоенные поджоги.

Силовики называли молодых людей «сторонниками радикальных анархистских идей», однако сами они открыто свои левые взгляды не обозначали. «Для Романа куда важнее его антивоенная позиция в этом случае», — говорят в «Зоне солидарности».

Помимо статьи о теракте^[7] друзьям предъявили еще более жесткую статью о прохождении обучения терроризму^[8] — по ней грозит срок до пожизненного. «Обучением» следствие назвало тот факт, что Нуриев и Насрыев «сохранили в памяти»^[9] своих телефонов несколько постов из телеграма и видео с ютуба, где говорилось о поджогах военкоматов и изготовлении

коктейлей Молотова, а также тренировались кидать их.

Иван Асташин сомневается, что в этом случае именно ярлык «радикальных анархистов» утяжелил положение поджигателей.

«У следователей в принципе две стандартные формулировки: либо придерживался либерально-радикальных взглядов, либо анархистских взглядов, — отмечает он. — Они особо не разбираются, каких на самом деле человек взглядов придерживался».

По его мнению, куда важнее то, что оба работали в государственных структурах: «Как говорится, бей своих, чтобы чужие боялись. Они для системы предатели. Я думаю, это могло сыграть роль».

В итоге антивоенные активисты получили больший срок, чем молодой человек из Ижевска, который решил «освободиться от государственной власти», закидал Молотовыми отдел полиции в Ижевске и ранил ножом двух патрульных.

Силовики часто пытаются выставить поджигателей военкоматов террористами, которые хотят кого-нибудь убить и запугать общество. Но число поджогов уже перевалило за сотню, а в прессу попало только одно сообщение о пострадавшем: в Орле, по версии СК, охранник получил ожоги ног после того, как бутылку с зажигательной смесью кинули в здание администрации области.

Ни один военкомат не сгорел полностью, обычно ущерб ограничивается небольшими повреждениями. Многие из арестованных не раз открыто говорили, что стремились показать свое несогласие с войной и мобилизацией, но точно не хотели никому навредить.

Известно только одно исключение, и оно сильно выбивается из ряда других антивоенных поджогов.

Политические мотивы прямо не влияют на квалификацию дела и последующее наказание

Судя по известным приговорам, следствие и суд мало интересуют мотивы подсудимых. Антивоенные активисты, не скрывавшие своих взглядов, получают как условные, так и реальные сроки. На их судьбу влияет именно квалификация дела: будет это терроризм или все же нет.

Кирилл Бутылин поджег военкомат в подмосковных Луховицах на третий день войны. На воротах он написал: «Я не пойду убивать братьев!». Молодой человек заснял поджог на видео и опубликовал свой антивоенный манифест: «Пусть эти пидарасы знают, что собственный народ их ненавидит и будет их гасить. У них скоро земля начнет гореть под ногами, ад ждет и дома». Бутылин объяснял, что хотел уничтожить архив с делами призывников.

Силовикам удалось задержать его не с первого раза. Сначала юноша добрался до границы Литвы и Беларуси, но там его схватили и в итоге доставили

в луховицкий отдел полиции. Оттуда он сбежал, выпрыгнув в окно, однако далеко ему уйти не удалось.

МВД обвинило Бутылина в вандализме, но, видимо, вскоре дело забрала себе ФСБ, и его переквалифицировали на теракт. Во время процесса он признал вину и раскаялся. Суд назначил 22-летнему мужчине 13 лет заключения.

Иногда силовики распространяют видео, на которых задержанные говорят, что решили рискнуть ради легких денег. Правдивы ли эти признания или даны под давлением, обычно неясно. Так или иначе, силовики не демонстрируют никакого снисхождения к неидейным поджигателям. Защита даже может говорить, что человек поддерживает «специальную военную операцию», но если уж вменили терроризм, срок все равно будет большим.

Так было в случае нижевартовских поджигателей. По версии следствия, 20-летний Владислав Борисенко купил все необходимое для поджога военкомата и снимал его на видео, а 21-летний Василий Гаврилишен бросил семь Молотовых. Поджог им якобы заказал в телеграме некий человек, связанный с украинскими спецслужбами и обещавший от 1 до 3 млн рублей в зависимости от ущерба.

Молодых людей обвинили в терроризме. Оба признали вину. Судили их по отдельности, и в суде адвокат Борисенко настаивал, что его подзащитный руководствовался не антивоенными мотивами, а просто «остро нуждался в деньгах». Несмотря на это, Борисенко получил 12 лет. Узнав о таком сроке,

Гаврилишен отказался от признательных показаний и разорвал сделку со следствием. Его пока еще судят.

Правозащитник Иван Асташин отмечает, что и у Бутылина, и у Борисенко была статья^[1], срок по которой начинается от 12 лет. «Тут и тому и другому дали по минимуму, — констатирует он. — Какая уже разница, какой срок давать. Человека уже использовали, он дал признательные показания, раскаялся на камеру. Это, как правило, на срок не влияет».

Иногда поджоги совершают под влиянием мошенников

Как рассказывала «Медиазона», обычно незнакомцы звонят пожилым людям, выманивают у них деньги, а потом убеждают поджечь какой-нибудь объект, например военкомат или банк, в обмен на возврат украденного. Жертвы обмана нередко уверены, что участвуют в некой «спецоперации» и действуют в интересах российских силовиков.

Мы насчитали по открытым источникам 21 такой поджог. В основном мошенники требуют атаковать отделения банков, однако как минимум в девяти случаях они спровоцировали собеседников на попытку поджечь военкомат или отдел полиции. Невольным поджигателям, как и всем остальным, вменяют разные статьи: поджог, хулиганство, теракт.

Приговоров по таким делам пока не было, поэтому в обзоре они отдельно не упоминаются.

Силовикам не важно и то, был поджог успешным или неудачным

«Абсолютно неважно, была попытка или полноценный поджог, грубо говоря, разбилась бутылка или не разбилась. И это никак не коррелирует с приговорами, — говорит Иван Асташин из "Зоны солидарности". — Вспомним дело ребят из Бакала в Челябинской области, Роман Насрыев и Алексей Нуриев. Там обгорел квадратный метр линолеума. Очаг возгорания потушила женщина-сторож, как она сама говорила, одеялом и пятью литрами воды. По 19 лет дали. И, допустим, мы знаем другие случаи, где выгорела целая комната, какая-то часть военкомата, и люди получали по три-четыре года».

Это, например, бывший сельский учитель Илья Фарбер, поджегший военкомат и призывной пункт в удмуртском поселке Игра. Выгорело несколько помещений, Фарбера суд приговорил к 3 годам и 2 месяцам в колонии.

К примеру, Владиславу Матвееенко из Ростовской области дали четыре года колонии только за то, что он наблюдал за поджогом военкомата. Описание этого случая в приговоре выглядит довольно странно. 19-летний Матвееенко говорил в суде, что искал работу в интернете и наткнулся на человека, предложившего 3 тысячи рублей за то, что он снимет на видео ПОДЖОГ ВОЕНКОМАТА в его родном городе Гуково. Юноша согласился.

Вечером 12 мая он встретился с незнакомцем, который должен был бросить коктейль Молотова, тот представился Дмитрием. Он принес с собой три бутылки, но предложил кинуть только одну, так как «не хотел брать большую ответственность». Лишние коктейли Молотова они использовали «на одной из улиц» (первая бутылка попала в шифер, вторая разбилась об асфальт). Потом пошли к военкомату.

На месте выяснилось, что снимать не на что: в приговоре указано, что Владислав оставил мобильный «дома на зарядке, так как его батарея быстро разряжается», а Дмитрий свой не взял, поскольку опасался, «что его могут отследить» по сигналу мобильного.

Но от поджога молодые люди не отказались, и Дмитрий «подошел к воротам военного комиссариата и бросил горящий коктейль Молотова». Они убежали. Утром Матвееenko, по его словам, связался с куратором и сообщил, что они выполнили задание, но заснять это не получилось. «Куратор ответил, что это без подтверждающего видео денежных средств никто не получит», тогда юноша удалил переписку и сам мессенджер. Так что о ней известно только из признательных показаний — самой переписки в деле нет.

В приговоре также указано, что поджигатель и его сообщник попали на запись камеры видеонаблюдения, когда шли к военкомату. Свидетели дали показания, что они узнали Владислава по походке: «своеобразной», «блатной», как у «гопника», «которой он хочет показать всем, что все его должны бояться», «широкой,

неторопливой, дерзкой». Гуковский городской суд признал дважды судимого^[12] молодого человека виновным в хулиганстве и попытке поджога^[13].

При этом о задержании Дмитрия, который бросал коктейль Молотова и тоже попал на камеры, не сообщалось.

Поджигателям военкоматов трудно помогать из-за нехватки адвокатов и давления ФСБ

Самая серьезная проблема, с которой сталкивается «Зона солидарности», — нехватка защитников. «В некоторых регионах мы просто не можем найти адвокатов, которым могли бы доверять и которые готовы работать по таким делам, — говорит Асташин. — Многие адвокаты уехали. Мы порой в какой-то новый регион заходим, ищем контакт, другие правозащитные организации делятся с нами контактами, мы начинаем с ними связываться, и выясняется, что адвокат уже уехал из России».

Он добавляет, что во многих регионах у адвокатов берут подписки о неразглашении, из-за чего даже правозащитникам трудно что-то узнать о деле и обвиняемых.

«Так как все это дело ведет ФСБ, конечно, адвокаты тоже боятся», — констатирует Асташин.

У адвоката Вячеслава Савина, к примеру, пытались взломать телефон, который он сдал в специальную ячейку в здании управления ФСБ

по Ставропольскому краю, чтобы пообщаться со следователем и подзащитным. В петербургском СИЗО-3 оперативники отняли у Яны Неповинновой записи, которые ей передал обвиняемый: «Когда вывели подзащитного, в кабинет зашло несколько сотрудников, по всей видимости, ФСБ, и они просто зажали [защитницу] в углу и говорят: "Отдавай бумаги". Она их отдала».

В России всего четыре суда рассматривают дела о терроризме: в Москве, Екатеринбурге, Ростове и Хабаровске. Обвиняемых из других регионов обычно либо привозят в один из этих четырех городов, либо судят на выездных заседаниях. Чтобы помогать этапированным, адвокаты и близкие вынуждены каждый раз проделывать длинный путь, из-за этого помощь «усложняется и удорожается», говорит Асташин.

«Правда, сейчас московский суд^[14] вообще ввел новшество, что по видеосвязи людей судят. Ивана Кудряшова^[15] осудили за два дня по видеосвязи.

Адвокат в Москве, Кудряшов в Твери по видеосвязи. Он с адвокатом нормально не может поговорить», — возмущается правозащитник.

По словам Асташина, военный суд в Москве «- ускоряет дела вообще до невозможности». Вероятно, это связано с большой нагрузкой: недавно Верховный суд предложил расширить список судов, которые рассматривают обвинения в терроризме, поскольку число таких дел постоянно растет, и судьи, которым в тому же приходится постоянно летать в командировки, не справляются.

Зачастую правозащитники не сразу узнают, что человека задержали за поджог военкомата, иногда только спустя несколько месяцев. Бывает, что о деле вообще становится известно только после приговора, отмечает Асташин, так было с Владиславом Матвееenko из Гуково, которого судили за неудавшуюся видеосъемку неудачного поджога.

В последние месяцы интенсивность поджогов военкоматов, отделов полиции или административных зданий постепенно снижается: если прошлой осенью совершили 46 поджогов, то зимой уже 16, весной — девять, а за половину лета — пять.

С января появляется все больше сообщений о поджогах железнодорожного оборудования, например релейных шкафов. В таких делах, как правило, тоже участвует ФСБ, а задержанных, среди которых, как выяснила «Медиазона», очень много несовершеннолетних, обвиняют по статье о диверсии.

Но пойманных поджигателей военкоматов продолжают судить: три десятка приговоров уже вынесено, а еще десятки пока находятся под следствием или ждут приговора суда.

Алексею Рожкову, которого кыргызстанские силовики передали российским коллегам, видимо, скоро тоже заменят обвинение на статью о теракте — суд вернул дело на доследование, поскольку

прокуратура вдруг увидела в поджоге военкомата «признаки более тяжелого преступления».

Текст и сбор данных: Оля Ромашова

Инфографика: дата-отдел «Медиазоны»

Редактор: Егор Сковорода

External embed

https://s3.zona.media/infographics/voenkomat-fire/fire_data.js.gz?20230726

External embed

<https://s3.zona.media/infographics/voenkomat-fire/main.e0840087d900d021e6a>

-
1. Мы считаем только подтвержденные случаи, когда были совершены поджог здания или его попытка (например, человек кинул коктейль Молотова, но он не загорелся, либо его задержали уже прямо перед поджогом). Мы не учитываем те случаи, когда известно только о планах или намерениях (как правило, из пресс-релизов силовиков). Кроме того, в подсчет включены несколько случаев атак на военкоматы без поджога, например, когда их обстреляли или разбили окна. Но это редкие исключения.
 2. Информацию о поджогах военкоматов и преследовании поджигателей часто стараются не афишировать ни силовики, ни защита и родные обвиняемых, так что точные номера статьей (или, например, переквалификацию в ходе следствия) иногда можно узнать только после того, как дело поступило в суд.
 3. Юношу сначала обвинили в вандализме (статья 214 УК), потом вменили теракт (пункт «в» части 2 статьи 205 УК).

4. С 24 февраля до 21 сентября 2022 года.
5. В одном случае — поджог отдела полиции в Смоленске — мы не знаем деталей приговора: в суде отказались сообщать даже сроки наказания, вынесенные несовершеннолетним.
6. Как в колонии общего режима, так и в колонии-поселении.
7. Часть 2 статьи 205 УК, наказание — от 12 до 20 лет колонии.
8. Статья 205.3 УК, наказание — от 15 до 20 лет колонии либо пожизненное лишение свободы.
9. Цитата из обвинительного заключения, которое есть в распоряжении «Медиазоны».
10. В приговоре указано, что такое время было зафиксировано на видеорегистраторе одного из полицейских.
11. Обоих судили по части 2 статьи 205 УК (теракт, совершенный группой лиц, либо повлекший причинение значительного ущерба), наказание по ней — от 12 до 20 лет. Впрочем, Бутылину также предъявили призывы к терроризму (часть 2 статьи 205.2 УК, до 7 лет лишения свободы) и вандализм (часть 2 статьи 214 УК, до 3 лет лишения свободы).
12. По статье об умышленном причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений (пункт «а» части 2 статьи 115 УК) и по статье о побоях (116 УК).
13. Часть 2 статьи 213 УК, часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 167 УК.
14. Старое название — Московский окружной военный суд. Сейчас он называется 2-й Западный окружной военный суд.
15. Кудряшова обвиняли в подготовке поджога военкомата в Твери. Он настаивает, что коктейли Молотова ему подбросили. Кудряшов рассказал о пытках.